

И.В. ЩЕРБАКОВА, В.А. ЯДОВ

КУЛЬТУРА ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ: ОПЫТ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ ПАССАЖИРОВ У ДВЕРЕЙ МЕТРО БУДАПЕШТА, МОСКВЫ, НИЖНЕГО НОВГОРОДА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА¹

Вводные замечания

Известно, что становление правил и норм оказания помощи незнакомым людям — продукт урбанизации. У всех народов в сельской общине действует более или менее жесткий социальный контроль. В современных урбанизированных обществах контроль за соблюдением таких правил резко ослаблен, центр тяжести переносится на самоконтроль «человека в толпе». Этнокультурные и национальные различия сказываются здесь в различиях социализации людей, принадлежащих разным культурам и субкультурам.

Исследования последних лет демонстрируют любопытные неожиданности. Так, канадские журналисты путем включенного наблюдения фиксировали в разных странах, придерживают ли перед незнакомцем (участником исследования) дверь в магазин идущие впереди, благодарит ли продавец за мелкую покупку, возвращают ли «случайно» забытый на остановке общественного транспорта зонтик². Обнаружилось, что четверо из пяти жителей Нью-Йорка успешно прошли тест на helping behavior³, далее по нисходящей — Цюрих и Торонто; жители Берлина, Загреба и Сан-Пауло уступали им, а москвичи (и «гости столицы»), увы, заняли одно из последних мест⁴.

Щербакова Ирина Вячеславовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра Института социологии РАН. **Ядов Владимир Александрович** — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра Института социологии РАН, декан факультета социологии Государственного университета гуманитарных наук (ГУГН). **Адрес:** 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5, Институт социологии РАН. **Телефон:** (495) 125-79-20. **Факс:** (495) 719-07-40. **Электронная почта:** yadov@isras.ru

¹ Во всех этапах исследования принимали участие студенты ГУГНа: С. Байкина, А. Витшас, А. Балашова, Н. Воронина, С. Давыдова, Е. Калининская, С. Никитин, А. Чекалина.

² См. описание результатов натурного эксперимента, предпринятого в 2006 г. журналистами: [9].

³ Термин helping behavior, принятый в социальной психологии можно перевести как «предупредительное поведение», что неточно; буквальный перевод — поведение, ориентированное на оказание помощи другому. Далее для удобства мы будем пользоваться не только переводом термина, но и его английским оригиналом.

⁴ Авторы приводят такой пример: импозантная дама около сорока лет при входе в магазин на проспекте Вернадского, не придерживавшая дверь, бросила реплику, которая в обратном переводе на родной язык звучит примерно так: «Я — не швейцар. Придерживать двери — не мое дело. Если кому-то досталось, так надо было быстрее шевелить ногами» (“I’m not a doorman. It’s not my job to hold doors. If someone gets hurt, they should be quicker on their feet”).

Другие кросскультурные исследования также демонстрируют разнообразие нормативных практик. **Основную проблему** нашего исследования мы видели в том, чтобы уяснить, в какой мере практики предупредительного поведения варьируют в городских субкультурах России и отличаются ли они от таких практик в инациональной культуре (Венгрия)? Эмпирическим объектом было избрано поведение пассажиров, сталкивающихся у массивных дверей метро: идущий впереди должен бы придержать дверь перед идущим следом. Процесс записывался на видеокамеру.

По мере анализа полученных данных мы уточнили проблему в том смысле, что по существу мы имеем дело с исторически экспериментальной ситуацией, поскольку в постсоветской России (как и в современной Венгрии) вследствие радикальных изменений общественного устройства наблюдается ломка ценностно-нормативных структур. Помимо прочего сотни тысяч граждан России начали беспрепятственно выезжать за рубеж, а на улицах наших городов появились толпы иностранных туристов. По-видимому, то, что происходит возле дверей метро, достойно расшифровки в понятиях helping behavior.

Характеристики исследования

Концептуальные предпосылки. Литература по проблематике нормативного поведения, особенностей русского менталитета и др., относящаяся к регуляции социальных взаимодействий, огромна. Но непосредственно взаимодействие, которое психологи именуют предупредительным, начали изучать со второй половины 50-х гг. минувшего века.

Исследовалось просоциальное и альтруистическое поведение (доноров, филантропов и др.), его мотивация; психологи выясняли, в каком возрасте именно социальные нормы начинают играть ведущую роль в helping behavior [8] (Н. Айзенберг). Д. Бар-Тал и А. Рэвив [6] нашли, что некоторые виды предупредительного поведения у детей непосредственно связаны с принятием нормы взаимности, то есть ожиданием, что другой скорее всего окажет помощь тому, кто ему помог⁵. Мы будем использовать предложенные Бар-Талом определения двух моделей предупредительного поведения — на основе следования норме ответственности и на основе взаимности [7]. В качестве ответственного поведения рассматривается оказание помощи тем, кто реально или предположительно имеет зависимый от помогающего статус (инвалиды, бедные, пожилые, дети и др.). Ожидается, что люди будут помогать, не рассчитывая на взаимность, т. к. более «слабый» не способен в ответ дать столько же, сколько получает. Эксперименты показали, в частности, что помогающие в большой мере склонны руководствоваться нормой социальной ответственности, если они приписывают возникшие трудности внешним неуправляемым обстоятельствам [7]. Именно такие ситуации имеют место в потоке пассажиров метро.

⁵ Однако дальнейшие эксперименты на взрослых показали, что получение помощи без отдачи может нарушить норму взаимности, поскольку не соблюдается ожидаемый баланс. Кроме того, авторы предположили, что данная норма действует во взаимоотношениях равных по значимым признакам индивидов [1].

Множественно отмечалось, что на действия человека, оказывающего помощь, влияют такие факторы, как внутригрупповая солидарность, уровень конформности (эффект подражания, эффект присутствия свидетелей, который соответственно повышает или понижает вероятность оказания помощи), а также социобиологический статус взаимодействующих (пол, возраст, степень родства, внешние расовые и этнические признаки). По возможности выделим такого рода признаки в нашем наблюдении.

Методика. В качестве основного метода использовано наблюдение — расшифровка видеосюжетов. В дополнение к видеосъемке использовали короткие интервью с пассажирами на выходе из метро.

Гипотезы. *Первая* (основная) гипотеза: ожидается, что пассажиры будапештского метро чаще, чем в российских городах, следуют норме предупредительного поведения. Иными словами они более вежливы в отношении к незнакомым. Это предположение основывается на обыденных наблюдениях туристов и имеющихся исследовательских данных.

Вторая гипотеза: ожидаются различия в изучаемом поведении в зависимости от социобиологического статуса наблюдаемых: пол, возраст, вероятные отношения родства или дружбы, этнические признаки.

Третья гипотеза. На основании данных, полученных другими исследователями, ожидается, что обнаружатся также следующие различия:

а) Частота следования норме социальной ответственности будет связана с социобиологическим статусом индивидов, то есть впереди идущий, как правило, придерживает дверь, если за ним идет социально «зависимый» (старший, ребенок) или просто «другой»; следом идущий не придержит дверь, если впереди идущий, отличный по социобиологическим признакам, не придержал ее.

б) Социобиологический статус индивидов лежит в основе взаимодействия в соответствии с нормой взаимности: впереди идущий придержит дверь, если за ним идет «равный» по социобиологическим признакам; следом идущий придержит дверь, если впереди идущий, «равный» по социобиологическим признакам, придержал ее.

Эмпирическая база исследования. (а) Видеосъемки действий пассажиров на входе и выходе из метро в тех местах, где установлены двери. Были выбраны города, имеющие метрополитен: Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород и Будапешт⁶. Съемки проводились осенью 2005 г. (б) Дополнительно проведено 16 интервью с молодыми пассажирами метро в Санкт-Петербурге (январь 2007 г., м. «Черная речка») и 26 интервью — в Москве с людьми разного возраста (апрель 2007 г., м. «Сокольники»). Интервью проводились на выходе из метро в спокойное дневное время.

⁶ Мы благодарим за сотрудничество доцента Санкт-петербургского филиала университета ГУ-ВШЭ В.В. Костюшева, директора Института социологии Венгерской академии наук профессора П. Тамаша, канд. филос. наук, доцента факультета социологии Нижегородского государственного университета С.С. Балабанова.

Данные и их интерпретация

Общие показатели. Наибольшее количество придерживающих дверь — в Будапеште (80-83%), наименьшее — в Москве (от 43 до 56%). Нижний Новгород по этим показателям близок к Петербургу⁷.

В Петербурге и Будапеште идущие следом в наибольшей мере копируют действия идущего впереди: либо придерживают, либо отпускают дверь (неосознаваемое подражание), в Москве эффект подражания ослаблен.

Более детальный анализ позволяет заметить, что в Москве и Петербурге особо заметна доля не оглядывающихся назад и отпускающих дверь на идущего следом. Мы полагаем, что это индикатор полного небрежения нормами помощи. В Петербурге (где на дверях висит отчетливое обращение к пассажирам придерживать дверь) и в Москве таковых почти четверть (22-26% и 23-30%), а в будапештском метро — один из десяти (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение действий с дверью, совершенных пассажирами, идущими впереди и идущими следом в Москве, Петербурге, Будапеште, в % к n (общему числу наблюдений)

Город	Действие первого (и второго) пассажира в час пик		
	придержал дверь	отпустил дверь	прошел в открытую дверь
Москва (n=310)	56 (43)*	23 (30)	21 (27)
Петербург (n=310)	70 (70)	26 (22)	4 (8)
Будапешт (n=310)	83 (80)	11 (12)	6 (8)
Среднее по городам (N=930)	70 (65)	20 (21)	10 (14)

* *Примечание:* Доля идущих следом в скобках, идущих впереди — без скобок.

Следование норме предупредительности в поведении пассажиров демонстрирует таблица 2. Мы не видим существенной разницы в поведении не знакомых и знакомых пассажиров в Будапеште в отличие от Москвы и Петербурга, где в зависимости от личного знакомства, эмоциональной вовлеченности в коммуникацию объем помощи значительно возрастает (соответственно на 25% и 17%).

Таблица 2

Соотношение придерживающих дверь не знакомых и знакомых друг с другом пассажиров по трем городам в час пик, в % к n=310 по каждому городу.

Город	Скорее незнакомые (Nнз=744)	Скорее знакомые (Nз=186)
Москва	50	75
СПб.	68	85
Будапешт	82	86
В среднем	67	82

⁷ Наиболее оживленное время в нижегородском метро соответствует «спокойному времени» в других городах из-за относительной малочисленности населения. В Нижнем Новгороде всего зарегистрировано 90 взаимодействий, из которых в 67% случаев пассажиры придерживают дверь.

Среди оказывающих помощь в будапештском метро преобладают представители одной возрастной группы: примерно в 70% случаев взаимодействия это молодежь. Как будет показано ниже, внутри этой группы происходит распределение помощи по гендерному признаку.

Как объяснить более консолидированное поведение пассажиров в Будапеште? В процессе трансформаций на постсоветском пространстве населения стран Восточной Европы не претерпело столь драматической «культурной травмы» [4, 5], как в нашей стране, где особая социально-экономическая система утвердилась на два поколения ранее. Не случайно лозунгом посткоммунистических трансформаций в Венгрии, как и ряде других восточноевропейских стран, был призыв «Назад в Европу» [10]. Этим, скорее всего, и объясняется в первую очередь наблюдаемое различие в культуре поведения соотечественников в сравнении с венграми. Попробуем проверить это предположение.

К сожалению, имевшиеся в нашем распоряжении «докризисные» документальные кинокадры у дверей московского метро⁸ не позволяют делать надежные сопоставления. Из примерно 30 адекватных взаимодействий, заснятых оператором К. Пискаревым в 1961 г., примерно в 2/3 случаев пассажиры придерживали дверь. Если все же условно принять это свидетельство за надежное, то мы обнаружим следующее. По объему помощи (количество придерживающих дверь) в «спокойное время» пассажиропотока доля предупредительных советских граждан ближе к соответствующим пропорциям нынешних пассажиров метро в Петербурге и Нижнем Новгороде (соответственно 61% и 67% против 66% в 1961 г.), но примерно на четверть уступает численности вежливых пассажиров в современной Москве. Более детальный анализ помогает кое-что прояснить.

Половозрастные особенности helping behavior. Визуально определялся пол, примерный возраст (молодой, средних лет, пожилой, ребенок), расовая или этническая принадлежность, возможные отношения родства, дружбы или знакомства (скорее не знакомые, скорее знакомые). Этнические признаки не имело смысла принимать во внимание, так как около 95% пассажиров во всех городах идентифицированы как «европейцы».

Наиболее многочисленная и статистически значимая группа пассажиров среди зарегистрированных по видеозаписи в час пик (из 930 случаев) — это не знакомые между собой столкнувшиеся у дверей люди.

Рассмотрим ситуации, в которых различия по полу были достаточно заметны. Особенно интересны наблюдения в Москве. Женщины чаще придерживают дверь женщинам, чем мужчинам (53% случаев против 39% в среднем по выборке), что можно понять, но действия мужчин в отношении идущих следом представительниц прекрасного пола не вполне понятны. Пассажиры московского метро чаще следуют норме взаимности, а для мужчин

⁸ Имеется пятидесятисекундная документальная киносъемка входа/выхода пассажиров из московского метро: «Новые линии метро (Арбатско-Покровская и Филевская)», 1961 г., Центральная студия документальных фильмов; режиссер и оператор К. Пискарев; из фондов Центрального архива аудиовизуальных документов Москвы.

половая принадлежность идущего следом как будто бы не имеет значения. Например, в Петербурге мужчины придерживают дверь женщинам в 69% случаев по сравнению с 62% в среднем по выборке.

В Москве пассажиры средних лет и пожилые чаще придерживают дверь женщинам (соответственно в 47% и 46% случаев по сравнению с 39% в среднем по выборке), чем мужчинам (соответственно 53% и 54% по сравнению с 61%). Можно сказать, что старшее поколение более склонно следовать традиционной норме подчеркнутой вежливости к женщине, чем молодые. Отслеживание эффекта подражания идущему впереди подтверждает вывод о женской солидарности, но оставляет под сомнением отсутствие таковой у мужчин. Если в московском метро идущая впереди женщина придержала дверь, то следом идущая чаще придерживает дверь (8% отклонение от среднего). Мужчины по отношению к мужчинам поступают таким же образом (11% отклонение от среднего). Правда, в данном случае вероятнее всего работает не нормативная установка, а импульс.

В Будапеште картина другая. Мужчины чаще придерживают дверь, если следом идет мужчина, женщины поступают сходным образом, придерживают дверь перед женщиной. В Будапеште заметно наличие европейской нормы гендерного равноправия, и мужчины не выделяют женщин как более слабых. В России (Москва) заметна нормативная ломка. Западная норма поведения в людском потоке не проявляется, ее проявление заметно в женской солидарности, традиционная мужская галантность вроде бы утрачена. Однако, как было сказано, здесь есть поколенческие различия. Пассажиры средних лет и пожилые следуют традиционной норме подчеркнутой вежливости в отношении представительниц прекрасного пола. Многие молодые предпочитают пассивно получать помощь.

В Петербурге заметен нормативный сдвиг иного рода. Здесь молодые чаще придерживают дверь молодым же (58% vs 48% в среднем по выборке) и реже людям старшего и среднего возраста (30% vs 42%). Люди средних лет поступают по такому же принципу: чаще придерживают дверь пассажирам своей возрастной группы (58% vs 42%) и реже — молодым (33% vs 48%), предпочитают «своих» даже пожилым и детям. Мы наблюдаем признаки размежевания по поколениям, свойственные исторически переломным периодам [2].

В Будапеште люди средних лет чаще придерживают дверь женщинам (в 59% случаев по сравнению с 50% в среднем по выборке), чем мужчинам (41% против 50%). А пожилые пассажиры поступают противоположным образом: чаще придерживают дверь мужчинам (58% против 50%), чем женщинам (42% против 50%). Похоже, что более молодые оказывают внимание по полу, а старшие по традиции гендерного равенства.

Если использовать концептуализацию следования норме ответственности или взаимности, то заметных различий между российскими и венгерскими данными в целом не фиксируется⁹. Впрочем, можно утверждать, что

⁹ Следование норме ответственности наблюдалось в Москве у пассажиров средних лет по отношению к молодым (отклонение 7% от среднего по группе) и в Петербурге у мужчин по отношению к женщинам (7%). В большей степени следование норме взаимности проявлялось в Москве у женщин (отклонение 14%),

следование норме взаимности в напряженной обстановке более заметно, чем следование норме ответственности. Этому есть подтверждение. Расчеты показывают¹⁰, что предупредительное поведение, различающееся с учетом пола и возраста, наиболее заметно в Петербурге (в целом в 6% взаимодействий незнакомых людей в час пик). Несколько менее оно проявляется в Будапеште (4,4%) и практически отсутствует в Москве (около 2%). Мы склонны считать, что здесь дает о себе знать фактор социального стресса, в Москве наибольший (см. интервью ниже), и потому происходит активизация импульсивного и ослабление рационального в регуляции поведения.

Мотивация действий наблюдаемых. Наблюдаемые со стороны поведенческие «доминанты» рассыпаются на множество особых случаев, если учесть мотивацию поступка, о чем мы узнаем из интервью. Мотивы опрошенных можно классифицировать на две большие группы. Одна — случаи, когда человек готов придержать дверь идущему следом за ним в любой ситуации вне зависимости от каких-либо характеристик незнакомца, своего состояния и обстоятельств. Вот примеры высказываний: *«Каждому нужна помощь» (девушка, Петербург); «Все знают, что им будет неприятно, если перед ними хлопнет дверь. <...> Я вижу, что кому-то надо помочь, и человек подходит сейчас к двери, то есть, мне не придется ждать, когда кто-то за горизонтом появится, то, в принципе, я стараюсь, ну, как бы помочь» (девушка, Москва).*

Вторая группа суждений — учет ситуации, в которой (молодой) пассажир собирается помогать, исходя из своей оценки идущего следом: (а) по критерию «зависимости». Примеры суждений: *«Обычно, если пожилой выходит или девушка, я держу дверь» (юноша, Петербург); «<...> от ситуации зависит, но... конечно, пожилым людям всегда чаще нужно придерживать дверь» (девушка, Петербург); «<...> я иногда замечаю, иногда нет [кому придержать дверь. — Авт.], «<...> если идет беременная женщина, то так и так нужно <...> Ну, я сама когда была беременна, то мне, например, вообще никто никогда не придерживал двери» (молодая женщина, Петербург); (б) в зависимости от действия партнера: *«<...> если со мной так не делают [то есть не отпускают дверь. — Авт.], то и я так не делаю» (юноша, Петербург); (в) от наличия персонального желания и времени: «Когда плохое настроение или я когда тороплюсь... ну, как бы даже не в настроении дело, когда тороплюсь — я обычно просто дверь так толкаю и не смотрю. А когда не спешу, то я придержу дверь» (юноша, Петербург); «Ну... честно... если будет хорошее настроение, то я всем помогу придержать, там,**

у молодых (10%) и у людей среднего возраста по отношению к представителям своего поколения (16%), а также в Будапеште как у мужчин (9%), так и у женщин (9%).

¹⁰ Использовалась формула: $xg1 = an1 * bn1 / 100\%$, где $xg1$ — степень распространенности конкретной нормы помощи по каждому городу, «вес» нормы в городе; $an1$ — отклонение половозрастных признаков идущего следом от средних в зависимости от половозрастных признаков идущего первым; $bn1$ — доля пассажиров (из числа незнакомых в час пик по каждому городу), идущих первыми, определенного пола или возраста, действия которых в некоторой мере ($an1$) объясняются нормой помощи ($xg1$) для города ($g1$).

пройти. А если <...> отвратительное, плохое настроение, сама не выславшаяся, тогда может так получиться, что не придержу» (девушка, Петербург); «Могу придержать, конечно, что мне стоит <...> если за тобой один человек, ему можно придержать. И все — и пошел дальше» (юноша, Москва).

Как видим, одни люди преимущественно опираются на стереотип идущего следом, другие схватывают особенность ситуации [3]. Вместе с тем опрошенные отмечают поколенческие различия в поведении окружающих, то есть то, что мы фиксировали видеонаблюдением. Например, говорят: «Пенсионеры помогают чаще, молодежь реже»; «Мы-то вот довоенные, и, точно говорю: такого не было. Одна злоба» (сейчас — Авт.) (пожилая женщина, Москва). Девушка, отвечая на вопрос, можно ли выделить категорию пассажиров, заметно отличающихся вежливостью: «Ой, на самом деле, это очень сложно судить. Да, вот мужчины, кстати, да. Сорока-пятидесяти лет. Вы знаете, вот, закалки той... Вот, у меня дядя, ему, наверное, пятьдесят пять, ну, такого возраста люди <...>. Да, именно вот то поколение, того периода... влияние старших, то есть, что «старших нужно уважать». И вообще, в принципе, уважать окружающих...».

И молодые, и люди старшего возраста выражали озабоченность состоянием нравственности. «У каждого гражданина должна быть своя ответственность какая-то за общество. <...> Вот, в тот раз видел, там, кто-нибудь лежит, валяется — ну, к нему сразу, трясут его: “Все у Вас нормально, нормально”. В принципе, да, вежливо, корректно. Бывают, конечно, там, некоторые случаи, если вытисши человек <...>, пол-возраст не имеют значения. Зависит, наверное, от человека, от воспитания» (юноша, Москва). Пожилые особенно артикулируют нравственную позицию для объяснения своего поведения и поведения других: «Передо мной придержали, и за мной пассажир идет, ну, придержишь, конечно. <...> Ведь это не от тяжелого дня зависит, а ну... от уровня, что ли, культуры человека <...>» (пожилой мужчина, Москва); «Я иду — оглядываюсь, я никогда не брошу дверь, если чувствую даже, что за мной кто-то идет. <...> это обыденная жизнь: кто-то, ну, у кого-то, может быть, в крови вот это вот, просто, не оглядываясь, взять и придержать... А у кого-то: взял, бросил — и пошел!» (пожилая женщина, Москва).

Старшие и пожилые пассажиры не признают оправданий ситуативного характера, их убеждения в необходимости предупредительного поведения остаются неизменными: «Дверь всегда надо придерживать, просто иногда, вот, не срабатывает иногда даже у меня» (пожилая женщина, Москва); «Уважающий себя человек всегда придержит, посмотрит... <...> Ну, я тоже стараюсь» (пожилая женщина, Москва).

Люди старших поколений используют довольно обширный набор понятий, характеризуя интересующее нас поведение, от высоких моральных принципов до контекстуальных конкретно-ситуативных. Например, говорят о совести: «Ведь люди есть <...> достойные, с хорошей совестью. А есть — наплевать, эгоизм, им все равно: дверь отпустил — тебе в лоб даст или не в лоб... Все равно им» (пожилой мужчина, Москва). Некоторые делят окружающих на «культурных» и «некультурных», «воспитанных» и «невоспитанных», «вежливых» и «невежливых».

Интересны различия смыслов, которые старшие вкладывают в представления о культуре и воспитании. Для одних «культура» означает проявление социальной ответственности: *«Есть люди добрые, вежливые. <...> Это не связано ни с профессией, ни с образованием. <...> Мне кажется, это и не от возраста, и не от пола — не знаю, от чего зависит. Если я, человек пожилой, езжу, если просто зайти в вагон, подойти к любому, у меня ни разу не было, чтобы, например, молодой человек — или девушка сидит: “Вы не могли бы мне уступить место?” И всегда уступают. Не всегда сами уступят, но, как попросишь — сразу. Вежливые, культурные»* (пожилая женщина, Москва). У других более «культурные» — столичные жители, в отличие от приезжих: *«Много здесь приезжих, много здесь, которые культурные. Все люди разные. <...> Если бы все были более культурными, вот, все уступали бы место, кто пытается спешить, то пропускали бы, кто медленно — не может быстро ходить, — того обходили бы, было бы намного лучше»* (мужчина среднего возраста, Москва).

Важное основание действия у двери — ситуация, которую объясняют спешкой. *«Молодежь, студенты, в основном, они прям, не придерживаются — входят, раскрывают, с размаху! <...> Они, конечно, спешат всегда...»* (пожилая женщина, Москва).

В московских данных многое объясняется крайней напряженностью пассажирских потоков в метро, где «борьба за выживание» поднимается на уровень повседневности и уже не приходится думать о внимательности к окружающим: *«<...> кругом одна злоба, одна ненависть друг к другу: кто толкает, кто пихает... <...> Никто никому не нужен... И я говорю: народ просто озверел. А вроде, все сыты»* (пожилая женщина, Москва).

Выводы

Учитывая статистическую нерепрезентативность наших данных, выводы можно рассматривать не более чем в качестве правдоподобных гипотез.

Во-первых, зафиксирована различная частота проявления предупредительного поведения в потоке пассажиров метро в четырех больших городах, причем Будапешт лидирует, а Москва занимает последнее место. Правдоподобность наших наблюдений подтверждают наблюдения канадских журналистов. По частоте случаев helping behavior москвичи в том же 2006 г. замыкали список из 48 городов мира. В нашем исследовании в Будапеште зафиксировано 70-80% таких случаев (в зависимости от напряженности потока пассажиров). Из российских городов наиболее близки к этим показателям Петербург (60-70%) и Нижний Новгород (около 70% в спокойное время). В столице только около половины пассажиров метро придерживают дверь идущему следом. Многие пассажиры, с которыми мы говорили, сравнивают поездку в час пик с борьбой за выживание, где пассажиры — это прежде всего конкуренты за место в вагоне, а потом уже женщины и мужчины, молодые и пожилые, студенты и служащие. Складывается впечатление, что в Москве люди эмоционально не выдерживают перенапряжения от поездок в общественном транспорте, переставая реагировать на присутствие других, теряя солидарность друг с другом при кажущемся однообразии поведения.

Во-вторых, мы предположили, что должны обнаружить следствия культурной травмы постсоветских реформ. В наблюдаемом поведении такие следствия, как мы думаем, проявляются в смешении традиционных и современных западных практик спонтанных взаимодействий. Так мужские практики не оказывать особого внимания женщинам (принцип гендерного равенства), явно присутствующие в потоке пассажиров станции метро в Будапеште, в московском метро наблюдается у молодежи. Люди старшего возраста чаще следуют традиции подчеркнуто предупредительного отношения к представительницам «слабого пола». В Будапеште наблюдается различное отношение к идущей следом за мужчиной женщине. Здесь люди среднего возраста чаще придерживают дверь женщинам, а пожилые поступают противоположным образом: чаще придерживают дверь мужчинам. Похоже, что более молодые оказывают внимание по полу, а старшие по гендерной культурной традиции.

Известно, что в переломные периоды истории разрыв между поколениями усиливается. В российских видеокдрах фиксируется внутриспоколенческая (у женщин также и гендерная) солидаризация. Существенно также, что в Москве представители постсоветской генерации уступают старшим в предупредительном поведении к незнакомым людям.

Рискнем интерпретировать более частое проявление взаимного уважения в Будапеште в рамках теории социального обмена. Здесь важна адресность оказания помощи, надо обращать внимание на внешность людей и вести себя предупредительно в отношении определенных групп. Но во всяком случае это есть проявление внимания к индивиду.

В-третьих, рассмотрение данных под углом зрения следования норме ответственности (отношения покровительства-зависимости) или норме взаимности позволяет достаточно надежно заключить лишь о том, что следование этим нормам заметно не различает пассажиров в разных городах, кроме Москвы. В Москве крайняя напряженность потока пассажиров и к тому же (об этом свидетельствуют интервью) общая стрессовая ситуация нередко подавляют рациональную регуляцию поведения, на первый план выступает импульсивное побуждение.

Российская модель поведения в толпе пассажиров отличается своего рода «гибкой неопределенностью». Наличие разнообразных практик социального обмена, хотя и придает гибкость системе социальных взаимодействий и способно сглаживать ситуативные конфликты, не гарантирует высокого уровня helping behavior. Индивид не соотносит себя солидарно с широкой общностью, так что нормативно-ценностные регуляторы сегодня ослаблены. Выход, который может быть найден в стабилизации социокультурной системы (по Т. Парсонсу) и преодолении культурной травмы (по П. Штомпке) — еще впереди.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1999. С. 595.
2. *Мангейм К.* Очерки социологического знания: проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / Пер. с англ. Е.Я. Додина; отв. ред. Л.В. Скворцова. М.: ИНИОН РАН, 2000.
3. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.

4. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологически исследования. 2001. № 1. С. 6-17.
5. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологически исследования. 2001. № 2. С. 3-12.
6. Bar-Tal D., Raviv A. A cognitive-learning model of helping behavior development: Possible implications and applications // The development of prosocial behavior / Ed. by N. Eisenberg. New-York: Academic Press, 1982. P. 199-218.
7. Bar-Tal D. Prosocial behavior. Theory and research. New-York: Halsted Press, 1976.
8. Eisenberg N. Altruistic emotion, cognition, and behavior. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1986.
9. Reader's digest: The great reader's digest global courtesy test. How polite are we? [Online]. Date of access: 16.09.2006. URL: <<http://www.readersdigest.ca/mag/2006/07/polite.php>>.
10. Return to the Western world. Cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition / Ed. by M. Lauristin, P. Vihalemm. Tartu: Tartu University Press, 1997.